

ПЕВЕЦ УНИЖЕННЫХ И ОСКОРБЛЕННЫХ

Моск. правда, 1984, ч. сиб, № 3

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. ПЕРОВА

Эскиз готов. Картину он назовет «Сельский крестный ход на Пасхе». Упитанный батюшка, угостившись «во славу божию», держит путь по убогой, нищей деревне — служить молебен.

Академия отозвалась быстро. Эскиз не утвержден. Господин Перов не может участвовать в конкурсе, ибо позорит «святую церковь»: ни одного трезвого лица на картине.

Перов незамедлительно предлагает академическому совету другой эскиз под названием «Проповедь в селе». Его утвердили сразу.

...Он работал над конкурсной картиной в Петербурге, в маленькой комнате-студии, предоставленной ему академией. Тесная, но, главное, узкая, не комната, а род коридорчика, на четвертом этаже, с одним окном на Румянцевскую площадь. Вместо манекена какой-то чурбан. Хозяйственники академии — ссылались на бедность.

Он увозил с собой и славу лучшего жанриста русской школы. Не задержавшись ни в Берлине, ни в Дрездене, он снял мастерскую в Париже. Казалось, этот город его околовал. Как теснятся в нем чуждые, но острые впечатления! Но картины, многофигурные, большие — он настроился на них — не получались. Наброски с натуры, композиционные рисунки, этюды и эскизы маслом... На них ни дворцов, ни фонтанов, ни огней парадных улиц. Нищие кварталы Парижа, оборванные дети, бледные лица бедняков — горе везде одинаково. Разве иным оно было в родных Перову арзамасских деревнях? По арзамасским впечатлениям он написал свою первую картину «Приезд станового на следствие», где суд творил «старый выжига, выросший среди водки и побоев, смотрящий на крестьян, как на скот». Разве иной, лучшей была судьба парижских нищих музыкантов и художников и чем особенным она отличалась от его судьбы, русского художника Перова?

Его товарищам — Шишкину, Невреву, Прянишникову жилое не лучше — и голодно, и бедно, и бездомно. У Перова с Прянишниковым даже шуба была одна на двоих... Ту же боль за

тельству современников, в Румянцевском музее, получившем в дар все собрания К. Т. Солдатенкова, воспрещена публичная выставка следующих картин Перова: «Проповедь в сельской церкви», удостоена Первой золотой медали Академии художеств, его же «Чаепитие в Мытищах». Ну, а осенью 1861 года картина показалась академическому начальству вполне верноподданнической. Ей присудили Большую золотую медаль. Перову дали право «пенсионерского содержания и поездки за границу».

Он увозил с собой и славу лучшего жанриста русской школы.

«Оsmелюсь покорнейше просять совет императорской Академии художеств о позволении возвратиться мне в октябре 1864 года в Россию... Незнание характера и нравственной жизни народа делают невозможным достичь до конца ни одну из моих работ... Посвятить же себя на изучение страны чужой несколько лет я нахожу менее полезным, чем по возможности изучить и разработать бесчисленное богатство сюжетов как в городской, так и в сельской жизни нашего отечества».

Академия дала свое разрешение, сохранив ему пенсионерство. И он радостно заторопился из «ссылки», как окрестил свою поездку за границу.

В «Современной летописи» за 1863 год сообщалось: «В Москве около 400.000 жителей, из них всего 8 тысяч посетило за прошлый год выставку Общества. Здесь говорится о постоянной выставке, не считая той, которая была сделана для картины Иванова. Впрочем, и то сказать надо, самая картина Иванова привлекла всего только 15.000 посетителей». (Напомним нашим читателям: сегодня только за один день через залы Третьяко-

ковской галереи проходит от 4 до 10 тысяч человек!).

У картин Перова зрители стояли долго и толпами. Он словно насилием возвращал человека к виденному не однажды и безжалостно лишал его покоя и душевной сытости. И снова, спустя 150 лет со дня рождения художника, мы стоим в Третьяковской галерее у его полотен, перед которыми преклонялась современная Перову передовая Россия, которые выстояли во времени и стали частью нашей жизни. Висят картины... Давно не стало того, кто подарили им вечность. Тысячи глаз всматриваются в них, то плачет перед ними сердце, то в восторге замирает душа — так изображенное на них живет своей самостоятельной жизнью. Но что же в прошлом у каждого из этих полотен? Какие страсти кипели вокруг них? Стены каких выставочных залов, музеев видели они? Так ли уж прост был путь этих шедевров к нашему общенародному владению ими?

Если «Проповедь в селе» удачно миновала Сциллу и Харибу самодержавной цензуры, то «Сельский крестный ход на Пасхе», как мы помним, был отвергнут императорской академией еще на стадии эскиза. Понимая все сложности, которые ждали картину на пути к зрителю, Перов все же не отказался от замысла. Картина была написана. Перов показал ее на выставке Академии художеств, где она пробыла лишь один день. Сняли ее за «непристойность» и с выставки на Невском, да еще запретят воспроизводить в печати (запрет останется в силе до революции). Купил ее Третьяков для своей галереи в 1861 году. «Слухи носятся, что будто бы вам от святого синода скоро сделают запрос, на каком основании вы покупаете такие

безнравственные картины и выставляете публично. Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловецкий», — писали друзья Третьякову.

Залы галереи Третьякова могли бы рассказать и реальную драму, связанную с картиной «Тройка».

Он быстро написал двух детей. И работа остановилась. Не мог найти нужное лицо для мальчика «коренника». Бродил по городу, заглядывал в лица детей. Не то, не так! И все же в апрельский день у Никитской заставы увидел ребенка именно с тем лицом, которое ему виделось все эти месяцы. Мать мальчика запротестовала пугливо и настороженно. Но он умел говорить с людьми. Женщина успокоилась, затихла, сама рассказала, что похоронила мужа, детей. Остался единственный сын. А бледный, с тонким лицом Васенька сидел спокойно, давая себя рисовать.

Картина была закончена, и лучше Стасова о ней не скажешь: «Целая жизнь рассказана в их лохмотьях, в их позах, в тяжелом повороте их голов, в измученных глазах».

Третьяков купил картину для своей галереи. Прошли месяцы. Однажды на пороге дома Перова появилась женщина. Это была мать Васи. Сына она похоронила, все расprodала и пришла в Москву купить картину, «где списан ее сын». Перов, мучительно страдая, объяснил, что картины нет у него, она продаана, но посмотреть можно. Он привел женщину к Третьякову, и был уверен, что не найдет она картину, не узнает сына, тем более все стены увешаны полотнами.

Но она мгновенно нашла картину. Замерла, прошептала: «Родной мой, вот и зубик твой выбитый», — и упала на пол...

Перов ошеломленно глянул на

картину, на женщину, на свои руки. Да, «печальной спутницей печальных бедняков» была его муз...

Герои картин Перова не были просто материалом для изображения. Их судьба всеми своими живыми нитями пересекалась с жизнью художника. Быть может, поэтому его картины как бы имеют своих двойников — литературные рассказы, написанные самим Перовым. Словно он хотел что-то доказать, уточнить. Так возник рассказ «Тетушка Марья», продолживший жизнь картины «Тройка». В Третьяковской галерее хранился рукопись Перова под названием «Мильтеньчик-прицепов». Не о том ли она человеке, который изображен в «Птицелове»?

Создал Перов и свою портретную галерею. Он отдал ей четыре года. Академик наравне с начинающими художниками копировал в Эрмитаже Веласкеса, Ван Дейка, Креспи — к этому этапу своего творчества он готовился очень серьезно.

Портрет Писемского был первым, который заказал ему Третьяков, задумав создать галерею выдающихся русских людей. А дальше: Островский, Тургенев, Майков, Фет, братья Рубинштейны... И, наконец, наступил 1872 год, когда Третьяков заказал ему портрет Достоевского. Работа принесла Перову духовное удовлетворение и творческую удачу. Бледное лицо на темном фоне. Прекрасный открытый лоб. Писатель не ведет со зрителем диалог. Немного сгорбившись, он сидит, обхватив руками колено, весь во власти собственных мыслей. Перов создал портрет-картину, который, по словам Крамского, «не только лучший портрет Перова, но один из лучших портретов русской школы вообще».

В чем загадка удачи? Перов ошеломленно глянул на

Быть может, в том, что кисть художника и перо писателя всегда и верно служили «униженным и оскорблённым»...

...Незадолго перед смертью Перова Лев Николаевич Толстой привез к больному профессору Захарыну. Врач рекомендовал устроиться на теплой подмосковной даче, съездить в Самару на кумыс, потом на юг за границу. «Но как ехать человеку, живущему только трудом, ничего не скопившему за двадцать лет работы?» — говорилось в одной из посмертных статей о Перове. Перов, действительно, не очень дорого продавал свои картины. Сославшись на статью в «Художественном журнале», опубликованную сто с лишним лет назад, можно привести и цифры. Они ведь всегда убедительнее слов: «Птицелов» — 800 рублей, «Учитель рисования» — 100 рублей, «Гитарист» — 75 рублей, «Портрет Достоевского» (!) — 200 рублей! Откуда взяться излишку на случай болезни?

Он умер в 49 лет. Гроб торжественно пронесли от заставы до заставы через всю Москву. Засыпали в Даниловском монастыре, где лежал Гоголь. Но новое, молодое течение в русской живописи, которое возглавил Перов, уже нельзя было остановить. Оно было сильно своей приверженностью к социальным проблемам, интересам к общим закономерностям в жизни городской бедноты и крестьянства. Ведь именно эта черта выдвинула творчество Перова на первое место среди художников шестидесятых годов, творчество, в котором, по словам Стасова, «все строго, важно и болно кусается».

Мы же 150 лет спустя со дня рождения художника приходим в Третьяковку на встречу с его талантом, который выстоял во времени и стал частью нашей жизни.

Э. ГНЕДИНА.